

Ратная слава Отечества

ВПЕРЕДИ, НА ЛИХОМ КОНЕ...

Сибирские подвиги маршала Рокоссовского

Ежегодная аттестация, которую проходили командиры Красной Армии, чуть было не перечеркнула служебную карьеру будущего полководца Великой Отечественной:

«Занимаемой должности не вполне соответствует. Отсутствует умение правильно распределить силы полка... По занимаемой должности оставляет желать лучшего».

ЛЕТОМ 1920 года сын машиниста Варшавско-Венской железной дороги, дослужившись в революционных войсках до командира кавполка, и сам видел свои недостатки, потому и не стал опротестовывать выводы военной комиссии, хотя имел на это право как человек, прошедший две войны. «Смелый боевик, показывающий в наступлении пример храбрости, как сказано было в предыдущих характеристиках, отличался мягкостью, покладистостью характера. Он не стремился заработать «лычку в петличку», и его любили сослуживцы. Командные должности, на которые выдвигала революция, давались нелегко. Самое сложное для отважного рубака — руководить людьми.

По иронии судьбы он получил под своё начало соединение, которое в сражениях гражданской не участвовало. Полк сколотили на скорую руку, из пехоты, и это сразу бросалось в глаза. Чувствовалось: народ попал в кавалерию по недоразумению.

Красивый и стройный Рокоссовский, имевший атлетическое телосложение, накаченную мускулатуру (не зря же он трудились в Варшаве каменотёсом!) обезджал строй и приходил в уныние. Лошади как назло тоже были под стать красноармейцам — половина подлежала выбраковке. Надежды на свежее пополнение теплыми очень слабо. Слишком тяжело молодая республика поднималась на ноги, и даже в зажиточной Сибири хозяйскую инициативу крестьянина душила продразверстка.

Первым делом Константин Константинович настоял на выводе кавполка из Иркутска. В штабе 35-й дивизии с выводами боевого командира согласились: оставаться в городе без пастбищ и фуража лошади больше не могли. В двух километрах от железной дороги, в деревне Мальта разбили лагерь. Здесь на относительно сносной кормовой базе животных спешно приводили в божееский вид. Одновременно и пехота занималась с утра до вечера, постигая основы верховой езды. Рокоссовский выбрал для натаски бойцов ускоренный вариант, куда старался вметить, казалось бы, всё: дозоры, наступательный бой как в пешем, так и в конном строю, приёмы холодным и стрелковым оружием, рубку лозы...

Ещё в годы Первой мировой юный волонтер, кому только-только минуло восемнадцать, стал лучшим солдатом 5-го Каргопольского драгунского полка и Георгиевским кавалером, а после изнурительной «учёбки» получил звание младшего унтер-офицера. Опыт, приобретенный в русской армии старого образца, Рокоссовский всегда ценил: он ходил в разведку за «языком», рубился с австрийскими гусарами, побеждал врага в штыковых окопных поединках — на то и позиционная война, чуждая для мобильной кавалерии. Но драгуны — специфический род войск, при случае они должны уметь действовать и в пешем строю. Совсем иное — сделать из окопников заправских кавалеристов.

Рокоссовский усиленно работал с доставшимся ему человеческим материалом. Пример великого Суворова вдохновлял, и «чудо-богатыри» из крестьянской массы появились. Уже скоро полк было не узнать, а весной 1921-го года состоялось его «боевое крещение». Со станции Мысовск красные конники двинулись через хребет Хамар-Дабан на границу с Монголией. Один переход чего стоил! А ведь надо было сразу же отразить возможное нападение отборных казачьих соединений барона Унгерна, который, претендуя на азиатскую гегемонию, рвался в Забайкалье. Нанести упреждающий удар — задача Рокоссовского. В районе станции Желтуриной кавсоединение красных буквально спасло от гибели части 311-го стрелкового полка. События развивались стремительно: наша пехота попадала в окружение. Решение Рокоссовский принял незамедлительно:

— За мной, рубли гадов!

Конечно, молодой командир, как и прежде, рисковал собой и, случись разбор его тактических действий, опять бы заслужил упреки вышестоящего начальства: руководить боем — вовсе не значит скакать вперед эскадрон. Но ведь и принял-то он под команду ещё не обстрелянных бойцов, послать их в атаку можно было только личным примером. Так и поступил Рокоссовский, наголову разбив отряд белоказачков, каждый из которых понюхал пороху в достатке. В седле оставался до последнего, несмотря на ранение в ногу. Ординарец с трудом разрезал сапог, наполнив-

ный кровью командира.

За этот подвиг Реввоенсовет республики наградил Константина Константиновича вторым орденом Красного Знамени. А первый был раньше, за удачно проведенную операцию у села Вакоринское на реке Ишим. Уже в ноябре 1919 года в боях с Колчаком углавался талантливый военачальник, отличавшийся нестандартностью в принятии решений.

Ишимский рубеж имел для отступающих армий Верховного правителя России стратегическое значение. Здесь открывалась прямая дорога на «столичный» Омск, и белые надеялись удержать удобные во всех отношениях крутые берега реки. В начале осени, когда бои шли ещё на Урале, адмиралу предложили именно ишимский план обороны, где предусматривалось всё, вплоть до надежной системы проводочных заграждений. Колчак предпочёл наступление. Оно хотя и привело 5-ю армию Михаила Тухачевского в замешательство, но стало всё же временным успехом, без последующего развития. Оборону Ишима так или иначе было не избежать. И штурм укреплений — тоже, красные долго искали в позициях неприятеля слабое звено.

Конный дивизион Рокоссовского получил приказ начдива — 30-го выдвинуться ночью берегом реки. Этот эпизод в последующие годы красочно живописала советская печать:

«Начиналась пора жестоких сибирских морозов, свежий ноябрьский лёд уже обуздывал быстрину реки Ишим. Дивизион выбрал место для остановки. От него отделились 35 человек, трясём обмотали ноги коням. Повёл их в разведку сам Рокоссовский. Они несколько раз переходили реку, держа коней в поводу, и были в кустах, когда услышали крики колчаковцев...»

Противника застали врасплох. Спешившись, дивизион с гранатами ворвался в окопы, а дальше развить успех было делом техники. На рысях шли к Вакоринскому. Но тут из-за леса показался казачий полк, а ещё ближе по красным разворачивалась белая батарея. Самое грамотное решение при неравенстве сил — отступать, и вряд ли бы кто-то из начальства смог обвинить командира. Рокоссовский воевал умением, он выбрал атаку батареи, и едва прозвучал первый залп картечи, как конники навалились на расчёты.

— Номера — к орудиям! Огонь по казакам! Оставайтесь живы! — взмахнув шашкой, приказывал колчаковцам находчивый красный командир.

Исход боя был предreshён, части 30-й дивизии устремились сюда, на захваченный Рокоссовским плацдарм, стремительно продвигаясь по направлению к Омску. Именно здесь, в суровой таёжном краю, преследуя беспорядочные части белых, мужал блистательный советский полковник. В Сибири Константин Константинович оттачивал командное мастерство. В 1923-м году его полк признают лучшим по всем показателям в Сибирском военном округе. Отметят особый педагогический талант 26-летнего краснознамёнца. Сжатость временного отрезка, отпущенного на перековку бойцов, — лучшее свидетельство того, как усиленно военный талант работал над собой.

«Обладает волей, энергичный, решительный. Способен к проявлению полезной инициативы. Обладает лихостью, хладнокровием. По отношению к подчинённым, равно как и к себе, требователен. Заботлив. Пользуется любовью и популярностью. Обладает незаурядными умственными способностями, походную жизнь переносит легко...» — так аттестуют в 5-й кавбригаде одного из лучших военачальников Сибирского округа. Уже под Москвой, в ранге командующего 16-й армией, Рокоссовский вновь поведёт в бой сибирские полки.

В наши дни, когда стало «джентльменским» правилом обвинять в жестокости полководцев Великой Отечественной, жизненный пример Рокоссовского это решительным образом опровергает. Раз и навсегда Константин Константинович усвоил нормы поведения, характерные для командира. Он появлялся в окопах при полных регалиях, словно на параде, внося бойцам чувство спокойствия и уверенности в победе над врагом. Не терпел он и рисовку, фальшь, стремление выслужиться за счёт солдата. Маршал, которого не смогли сломить застенки Лубянки, всем своим видом старался показать: при любых обстоятельствах нужно оставаться не «винтиком» системы, а человеком.

Николай ЮРЛОВ,
соб. корр. «Гудка».

Красноярск.

P.S. Автор благодарен писателю Вениамину БОРОВЦУ за предложенную тему.

К.К. РОКОССОВСКИЙ